Страна Юйтянь.

Храм Дафаньинь[1].

Несмотря на такое внушительное название, статус лучшего храма в стране и то, что храм Дафаньинь размерами мог сравниться с храмом Юньлинь и был столь же известен в мире, как храм Байма, все-таки величия ему не хватало.

В настоящее время вера в буддизм была столь сильна на Центральной равнине, что в храмы там ежедневно приходили тысячи и тысячи людей. Однако на западных округах буддисты предпочитали идти тропой мучений: не наедаться досыта, носить одежду, не греющую тело. Они считали, что лишь через мучения можно заслужить великие заслуги и добродетель.

Храм Дафаньинь был ярким олицетворением слова "мучение". Совершенно не похожий на великолепные главные храмы Центральной равнины, он казался от основания до самых купалов измазанным в грязи, под которой скрывались глубокие трещины, так что думалось: одно дуновение ветра – и храм развалится.

Однако у рассохшихся ворот именно этого храма остановился паланкин. Сам паланкин был по размерам достаточно велик и богато украшен золотом. Золотыми же красками на нем была выписана божественная птица Дафэн[2], нарисованная столь искусно, что казалось, будто она в следующий миг упорхнет со стен паланкина. Четыре высоких и сильных мужчины держали паланкин на плечах, в то время как перед ним шли два прекрасных, словно нефрит, худощавых юноши, на поясах которых висели искусно выкованные и идеально подобранные мечи.

Тот, что слева, казался немного моложе. Он взглянул на лица проходящих мимо монахов и невольно усмехнулся.

— В Тяньци я видел столько монахов, но каждый из них только и мечтал о шелковых рясах, вышитых золотыми нитями. Здесь же монахи, кажется, даже не едят до сыта.

— Да что ты знаешь? — холодно фыркнул тот, что шел справа и казался немного старше. — Монахи западного округа обращают большое внимание на мучения. Если тебе вдруг взбредет в голову заставить их носить красивую одежду, они наверняка обвинят тебя том, что ты испортил их религиозную практику.

— Эй, что они там бормочут? — тот, что слева, проигнорировал слова товарища и с интересом уставился на нескольких монахов неподалеку.

— Да наверняка то же, что и монахи на юге: защити нас, Будда и тому подобное. Что они могут еще говорить кроме этого? — юноша справа тоже прислушался, однако быстро обнаружил, что ошибся в своих предположениях.

— Это Вэн Ма Ни Бэй Ми Ом, — вдруг донесся из паланкина мягкий голос, и даже проницательный человек не смог бы с точностью сказать, был ли говорящий мужчиной или женщиной.

— Чего-чего? Мастер, повтори еще раз, — тотчас полюбопытствовал юноша по левую сторону паланкина, заинтересованный странными словами.

— Хоть все направления буддизма имеют общие корни, все они различаются, — вновь подал голос человек в паланкине. Кажется, он был очень осведомлен в буддизме. — Особенно это заметно в западной области тридцати двух буддийских стран, где у каждой ветви четко прослеживается своя история и история их заветов. Только что ты слышал Вэн Ма Ни Бэй Ми Ом, большое песнопение из шести слов. Оно также известно как мантра. Основоположники буддизма считали, что в каждом из шести слов сосредоточена вся сила буддизма, поддерживающая баланс и вызывающая милосердие. Все милосердие и мудрость Будды во звуке голоса молящего. Одно прочтение мантры равносильно бессчетному числу молитв, за которое не накопится столько добродетели.

— Чего? Я понял, эти монахи просто отлынивают. Им не хочется читать толстые тома священного писания, так они сочинили это, — усмехнулся юноша.

— Тайны методов буддизма… Ты, малыш, думаешь, что в состоянии их понять? Бо Юн, не выдумывай, — несмотря на всю строгость замечания голос говорящего все еще оставался мягким, и казалось будто он ругал юного собеседника не всерьез.

Юноша, названный Бо Юном, послушно замолчал, и тогда заговорил юноша, стоящий справа.

— Мастер отлично знает особенности буддизма.

— Однако я знаю далеко не все. Иначе зачем бы старший евнух послал нас в эти пустынные земли? Лин Цзюнь, по недавним сведениям, куда он отправился? — спросил человек в паланкине.

— Согласно полученной информации, только вчера он сбежал из усадьбы Мэйжэнь, — откликнулся юноша, что был справа. — По пути он столкнулся с безжалостными разбойниками западного округа. Они, как и прежде, не представляли для него никакой угрозы, и теперь он движется сюда через страну Юйтянь.

— Как я и думал… — усмехнулся человек в паланкине.

— Но… — Лин Цзюнь был не уверен, стоит ли ему договаривать.

— Но? — удивился его собеседник. — Договаривай.

— Он не один.

— О? — в голосе человека в паланкине послышалось веселье. — С ним Тан Лянь? Неужто его уговорили?

— Это не Тан Лянь. С ним два юноши, один в красных одеждах, другой в шубе на лисьем меху. На данный момент ничего об этих двоих не известно.

Человек в паланкине глубоко задумался.

— Я знал, что не стоит недооценивать этого юного монаха, — наконец проговорил он. — Как только появились слухи о том, что его отправили в храм Цзюлун, старший евнух отправил нас в путь. Однако старший евнух никогда не виделся с этим монахом и не знает всю его силу. Хоть город Сюэюэ известен своей мощью, но без трех его глав он тоже не сможет задержать монаха. Поэтому мы дождемся его здесь. И все же, кто бы мог подумать, что он найдет себе спутников. Красные одежды и шуба на лисьем меху… Не припоминаю никого похожего. Может, это новые ученики города Сюэюэ?

— К слову о городе Сюэюэ. Раз уж старший евнух точно знал, что монах пойдет в город Сюэюэ, то почему все равно отправил нас сюда? — подал голос Бо Юн.

— Все-таки люди города Сюэюэ входят в мир боевых искусств. А, как известно, решения в мире боевых искусств принимаются несколько поспешно в силу характера практикующих. Ах, старший евнух беспокоился об этом, — человек в паланкине вздохнул. — Эх, но и с этим монахом трудно иметь дело: он такой эксцентричный.

— Однако, мастер, как ты узнал, что он придет в храм Дафаньинь? — удивился Лин Цзюнь. Он вспомнил, что, когда они еще только собирались в путь, мастер уже сказал им, что конечным пунктом их путешествия будет храм Дафаньинь в стране Юйтянь. Как будто мастер знал обо всем заранее.

— Он придет сюда, чтобы найти одного человека, — ответил человек в паланкине.

— Кого?

— Скоро мы все увидим, — тихо проговорил человек. — Поднимайте паланкин.

Как раз в этот момент из храма вышел монах в длинных поношеных одеждах и, держа одну ладонь вертикально перед собой, направился к паланкину. Затем с большим почтением он опустил руку. Судя по всему, он был монахом, отвечающим за посетителей.

Следуя за ним, люди и паланкин вошли в ворота. Все так же молча они вошли во двор и вдруг остановились.

— Старший монах, почему мы остановились? — спросил Бо Юн.

— Настоятель, — сопровождающий их монах не обратил на юношу никакого внимания и с величайшим почтением поприветствовал того, кто стоял в десяти шагах впереди.

Бо Юн и Лин Цзюнь оглянулись и заметили трех монахов, стоявших на пути паланкина. Тот из них, кто стоял в центре, был бледен и стар. Хоть его халат был так же поношен, как и у остальных, но заплат на нем не было. По видимому, это и был настоятель, о котором говорил сопровождающий монах. Оставшиеся же двое монахов казались необычайно сильными. У одного из них на шее висели четки из сто восьми бусин, а другой держал в руках огромный священный клинок. Все они выглядели внушительно и крайне праведно.

— И что же? — поинтересовался человек в паланкине.

— Тот монах, что слева, практикует божественное умение Покорение злого духа четками. Уровень силы – седьмой. Тот монах, что справа, практикует технику Меча, нарушающего заповеди. Уровень силы – восьмой. Что же до монаха посередине… Похоже, он не знает никаких боевых искусств, — несмотря на юный возраст, Бо Юн мог ясно видеть все боевые искусства монахов, стоящих перед ним.

— Почтенный Фалань. С той встречи в городе Тяньци прошло больше десяти лет, — первым заговорил человек в паланкине, и голос его полнился уважением.

Названный почтенным Фаланем сложил руки в приветствии, но по-прежнему не произнес и слова.

— Смело! — гневно воскликнул Лин Цзюнь.

— Не мешай, — одернул его человек в паланкине. — Почтенный Фалань не груб, он просто не может говорить.

— Не-немой? — Бо Юн и Лин Цзюнь изумленно переглянулись. — Настоятель… и впрямь немой.

Два монаха-воина, услышавшие это, помрачнели, но почтенный Фалань лишь едва заметно улыбнулся, будто совершенно не обратив внимания на неосторожное восклицание молодых людей.

— Почтенный, я пришел сюда, чтобы найти одного человека, — скромно произнес человек, но так и не вышел из паланкина.

Почтенный Фалань лишь покачал головой.

— Почтенный, у меня на руках послание от владыки вашей страны Юйтянь, — со смехом заметил человек в паланкине.

Почтенный Фалань вновь покачал головой.

— Почтенный, ты прятал того человека двенадцать лет, но больше ты не сможешь его скрывать, — все так же мягко проговорил человек в паланкине.

На этот раз почтенный Фалань не только покачал головой, но и качнул пальцем. И вслед за его движением на земле медленно проступили слова.

— Техника Смешения чувств души и разума! — Бо Юн тотчас узнал сильнейшую внутреннюю технику буддийских школ.

Человек в паланкине же, кажется, совсем не удивился. Он даже не поднял занавес и тихо спросил:

— Почтенный снова пишет на земле? На этот раз я не в настроении смотреть, — он легко махнул рукой: занавес на миг поднялся и тотчас же упал. Бо Юн, до этого пристально разглядывающий издалека еще не до конца проступившие слова, написанные почтенным Фаланем на земле, был весьма раздосадован, когда те вмиг стерлись.

— Я сказал: на этот раз ты больше не сможешь его скрывать, — с большим нажимом повторил человек в паланкине.

Почтенный Фалань тихо вздохнул, но как и раньше покачал головой.

Тогда человек в паланкине заговорил так, будто ему не оставили выбора.

— Когда двенадцать лет назад великий основатель дьявольского культа, Е Динчжи, пришел к твоему учителю, почтенному Мокэ, чтобы узнать у небес свой путь, как бы он не угрожал почтенному, тот стоял на своем. Даже когда меч готов был пронзить его, он лишь качал головой. Судя по всему, помимо буддийских текстов ты перенял у почтенного Мокэ и эту манеру качать головой. Лин Цзюнь, Бо Юн!

Оба юноши тотчас обнажили мечи. Монахи-воины, сопровождающие почтенного Фаланя, в ответ шагнули вперед. Один из них принялся перебирать свои четки, а второй тряхнул священным клинком. Оба они внимательно смотрели на юношей.

— Чур, я иду первый! — крикнул Бо Юн и стрелой кинулся к монаху, держащему в руках священный меч. Тот же совершенно спокойно поднял клинок.

Название техники Меч, нарушающий заповеди говорящее. Каждый, владеющий ей, действительно нарушает заповедь непредумышленным убийством. Среди буддистов эта техника считается особенной, ведь в наступлении она дарует практикующему ужасающую мощь.

Этот монах потратил многие годы, тренируя эту технику, и смог достичь восьмого уровня силы. В храме Дафаньинь он был мастером техники, однако перед лицом этого парнишки, которому на вид было лет тринадцать-четырнадцать, его техника Меча, нарушающего заповеди не имела ровным счетом никакого преимущества. Меч, нарушающий заповеди был создан исключительно для нападения, но никак не для обороны, равно как и техника меча юноши.

В отличие от свирепой мощи меча монаха, меч Бо Юна казался легче. Оттолкнувшись ногой, юноша ловко запрыгнул на лезвие меча монаха, а затем так же непринужденно перемахнул через голову своего оппонента и ударил его мечом в спину. Монах не успел отбить удар и отступил на несколько шагов.

— Ты! — монах-воин в ярости вытаращил глаза. Только что он сдерживался, потому как его противник был мальчишкой, к тому же нес с собой приказ владыки страны. Однако этот мальчишка безжалостно ткнул его в спину мечом, и если б монах хоть на мгновение запоздал, то сейчас был бы уже мертв.

— Видишь, монах? Мой меч носит имя Цыбэй[2]. Меч Цыбэй для убийства людей. Ну что, ты со своим Мечом, нарушающим заповеди все еще будешь пытаться сдерживаться? — Бо Юн крутнул меч в ладони и высокомерно рассмеялся.

От такого монах-воин пришел в бешенство. Он вновь поднял свой меч, но на этот раз в нем чувствовалось что-то другое. Даже с места Лин Цзюня можно было почувствовать удушающую волну ци, и казалось, если ступить на шаг ближе, то человека разорвало бы на части. Однако Бо Юн, стоящий прямо перед источником этой ци, казался вне себя от восторга. Ловко увернувшись от удара, он выкрикнул:

— Меч, нарушающий заповеди и разрезающий все мирское! Таким он и должен быть!

На первый взгляд меч монаха заставлял Бо Юна изворачиваться как только можно, но сам монах то и дело про себя тяжело вздыхал. Его Меч, нарушающий заповеди имел огромнейшую мощь, но и сил на эту технику уходило много. Если за тринадцать ходов он не сумеет победить своего соперника, то останется совершенно беспомощен. И, судя по ловким движениям Бо Юна, тот мог уклониться еще от сотни ударов.

— Шисюн! — монах с четками догадался о намерениях мальчишки и кинулся на помощь своему товарищу.

— Неужели монахи тоже умеют обманывать детей? — усмехнулся Лин Цзюнь и преградил монаху путь.

— С дороги! — гневно воскликнул монах с четками.

— Ладно-ладно, я отойду в сторону, — засмеялся Лин Цзюнь, ловко перепрыгнул через монаха и ударил плашмя мечом по его плечу. — А я стоял в стороне!

Монах с четками яростно взвыл и дернул плечом. В руках у него оказались четки, что подтверждало слова о том, что он практиковал Покорение злого духа четками. Поговаривали, что в каждой из ста восьми бусин его четок сокрыта сила, способная сокрушить дракона и тигра, потому Лин Цзюнь не посмел напрямую встретить удар четок. Вместо этого юноша поспешно отступил. И как раз вовремя: четки, ударившись о плиты на земле, разбили их вдребезги.

— Монах, в следующий раз бей точнее! Иначе ты, мало того, что не спасешь нужного вам человека, но и раскрошишь свой храм, — бесстрашно захихикал Лин Цзюнь.

Но на этот раз монах-воин не ответил. Четки на его ладони вдруг быстро завращались, и он что-то забормотал. Стоило только монаху с мечом заметить это, как он испуганно оттолкнул Бо Юна в сторону и широкими шагами поспешил к монаху с четками.

— Подчинить! — выкрикнул монах-воин, и нить четок его с оглушительным грохотом разорвалась. Все сто восемь бусин отбросило к юношам.

— Так вот какова божественная техника Покорения злых духов четками. Немного похоже на технику Парящих лепестков десяти тысяч деревьев семьи Тан, — восхитился Бо Юн.

— Стройся! — выкрикнул Лин Цзюнь, подбегая к Бо Юну.

Юноша немедленно отреагировал, подбросив свой меч и ладонями ударив в спину Лин Цзюня. Тот быстро подхватил еще не успевший упасть меч и энергично взмахнул обоими мечами, начиная свой сумасшедший танец. Невидимая глазу ци меча смешалась с воздухом и сформировала круг, столь плотный, что все бусины от него отскочили.

— Поверить не могу, четки, над которыми я так старательно работал двадцать лет, не смогли победить даже пару детей, — разочарованно вздохнул монах-воин. В этот единственный удар он вложил все двадцать лет тяжелого труда и учения, и после него он был бессилен.

Но Лин Цзюнь и Бо Юн не остались невредимыми. В тот момент, когда бусины коснулись круга ци, на юношей обрушилась такая разрушительная волна, что внутренности их будто кто-то перемешал, а кровь хлынула в горло. Если бы не мечи, на которые они сейчас опирались, то оба юноши бы уже лежали на земле.

— Шумно… Как же шумно… Кто пришел сегодня в храм Дафаньинь?.. Сколько народу… — вдруг раздалось пьяное бормотание. Бо Юн и Лин Цзюнь поспешно повернули головы на звук,

однако успели заметить лишь мелькнувшую тень. В следующее мгновение фигура уже покачивалась перед ними.

— Такое мастерство... — ахнул Бо Юн, но оборвал себя в середине фразы. Словами, оставшимися недосказанными, были: почти такого же уровня, что и у мастера.

Примечания:

[1] - □□□□ - Храм Дафаньинь. Дословно переводится как храм великих молитв или храм большого санскрита.

[2] - □□□□ - божественная птица Дафэн. Это персонаж древнекитайских мифов. Дафэн представлялась как злобная хищная птица, способная управлять ветром и с легкостью вызвать ураган. Считалась божеством, приносящим несчастье. Первое упоминание ее относят к династии Хань (206г. до н.э. — 220г. н.э.)

[3] - □□□ - меч Цыбэй. Дословно переводится как "милосердие".

http://tl.rulate.ru/book/27215/1004822